

Татьяна Ильди́мирова

г. Кемерово

Белая птица

Вот что случилось с Галиной: она залетела.

– Пузо к носу! - бурчала мама, в три погибели согнувшись над ванной и бултыхая в тазу пакеты, в которых носила продукты из магазина. – Кто же теперь на такой женится? Мать ее бьется, как рыба об лед... ради дочек любимых... неблагодарных. Говорила же: не пускай девчонок гулять. И ведь вроде эта сидела, как ты, все книжки

читала. А девятнадцать лет стукнуло – и понеслась кобыла в щавель.

Оля, съезжившись, словно бранили ее, чистила картошку, неуклюже и с отвращением скребя ножом бугристые клубни. Занятие было ненавистное: мама непременно скажет, что она слишком толсто срезает кожуру. Кухонный пол был теплым от яркого июльского света и липким там, где Оля утром рассыпала сахар. Она открыла форточку, и теперь по спине ее, по шее, по локтям, по волосам, заколотым золотистым крабом, скользило солнце. Руку на макушку положишь – а там горячо, и так хорошо: лето, и сразу так тоскливо, что гулять не отпускают.

Дома противно и безнадежно пахло уборкой – мокрыми половыми тряпками, стиральным порошком, средством для унитаза, царил бардак, стулья вверх ножками лежали на кровати, колбасой был скатан толстый ковер, а все из ящичков Олиного стола было вывернуто на пол, чтобы наверняка не забыла убрать в столе – а то в нем скоро змеи заведутся, будут ползать среди старых тетрадок, записок, сломанных карандашей, высохших фломастеров, заколок, значков, вкладышей «Элен и ребята».

Близилось время обеда, в кастрюле закипало мясо для супа, еще рано было спускаться во двор, но Оля беспокойно вглядывалась сквозь листву, не вышел ли уже кто. Вырасту и никогда не буду есть суп, а особенно с луком, думала Оля и слушала дворовые звуки так жадно, всей собой, как будто, вслушавшись, могла бы по-настоящему очутиться там. Ей мерещилось, что все уже, кроме нее, собрались на их обычном месте, в театре, а никто за ней не пришли, не позвонили по телефону, не покричали под окнами. Пусть ее и выпустят не сразу, только когда уберется и пообедает, но об этом же никто не знает. Стало быть, про нее просто забыли, всем без нее хорошо.

Место, где обычно встречались девочки, называлось «летний театр», или «эстрада»: прямо во дворе под дырявым навесом стояла самая настоящая сцена, а перед ней два ряда низких деревянных скамеек. Таких дворов Оля никогда в жизни больше не видела. На ее памяти однажды тетка из детской поликлиники читала там для населения лекцию о паразитах, а еще помнились народные танцы детского ансамбля, но было это настоящим воспоминанием или увиденным в каком-нибудь старом кино, Оля не знала. Все происходило очень давно, когда она была совсем маленькой. Теперь же площадка пребывала в запустении – давно некрашенная, заросшая сорной травой, с гнилыми провалами в сцене, под которую, в три погибели согнувшись, лазили пацаны, со скамейками раскуроченными, подпаленными и сплошь испитыми похабщиной.

Татьяна Ильди́мирова родилась 28 июня 1981 года в г. Кемерово. Проживает в г. Кемерово. Повести и рассказы опубликованы в журналах «После 12», «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Сибирские огни», «Юность», «ЛифФт», «Крым»; сетевых журналах «Пролог», «Литерратура». Дипломант Международного литературного Волошинского конкурса (2019 год). Финалист Всероссийского конкурса на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру» (2019 год). Член Союза писателей России.

Театр был местом для встреч удачным, окруженным густыми кустами, отгороженным от остального двора. Несколько скамеек сгорело, когда в прошлом году пацаны разожгли здесь костер, жарили сосиски и бросили в огонь баллончики от дезодорантов. На оставшихся скамейках девочкам нравилось секретничать и сплетничать. Когда они были моложе, то играли здесь в театр: друг перед другом разыгрывали сценки из сериалов. Утром посмотрели – и уже следующим вечером играли. Оля, например, лучше всех изображала Хосе Игнасио, выпячивая губу так, что все покатывались со смеху, а Наде удавались фразы наподобие «Ты разбил мое сердце!»

Мама, вытирая мокрые руки о халат, вышла на кухню, сняла пену с бульона, попутно глянула в окно и сказала:

– Вот и она. Расселась. Будто так и надо.

На скамейке у подъезда сидела Галина, сутуло обнимая свою сумку. На голове ее была какая-то дурацкая пацанская бейсболка, чтобы не напекло. У ног валялась черная бульдожка Марта, сморенная жарой, и тяжело дышала всем щенячьим, но уже неуклюжим телом.

Оля не могла себя заставить отойти от окна: на Галину хотелось смотреть и смотреть. Хотя – если не знать – выглядела она обыкновенно. Только вот была уставшей и такой бледной, словно с начала лета еще ни разу не ходила на речку.

После обеда во дворе никого не оказалось. Оля побродила по округе, без особого удовольствия покачалась на качелях, поболталась на турнике, покричала Надю, но из окна выглянула Надина бабушка и мотнула головой: нету ее, не ори.

Увидев Олю, со своими куклами выбежала соседка Аня годом младше. Почему-то она считала Олю своей подругой. Оля кукол уже забросила, но обижать Аню не хотелось, и они недолго поиграли в беседке в Анину любимую игру, которую прошлым летом придумала Оля: про Барби, ее Кена и еще одну старую замученную куклу Лауру, она была будто бы служанка в богатом доме. Кен со служанкой под управлением Ани прятались под лавкой, целовались, раздевались, ложились друг на друга и снова целовались с идиотскими улыбками на пластиковых лицах, Барби находила их и, рыдая, убегала в кусты сирени, где находил ее Кен, тыкался губами в барбины щеки и губы, и наступало примирение и семейное счастье.

Вскоре крестная подарит Ане диво невиданное – беременную Барби, но мать Ани выбросит ее на помойку как несусветную гадость, а сама продаст квартиру и вместе с детьми уедет жить в далекую общину в лесах, чтобы участвовать в строительстве прекрасного нового мира.

Впадать в детство, играя в куклы, было стыдно, подруги бы за это Олю засмеяли. Она надеялась, что ее никто не видит, но ошибалась. Оказывается, все торчали на Варином балконе.

– Иди к нам! – крикнула ей Варя, и Оля бросилась в соседний подъезд, немедленно забыв про Аню.

Варин балкон был обычным местом светских встреч в дождливую погоду или когда Вариных родителей не было дома, а гулять никому не хотелось. Варя на правах хозяйки сидела в старом, молью покусанном кресле, забравшись в него с ногами, а Надя с Олей теснились на порожке. В детстве Варя и Надя пускали в полет самолеттики, водяные бомбочки и огрызки кислых ранеток, кидались яйцами в прохожих, а однажды вылили пузырек зеленки на необъятные панталоны вредной бабки из квартиры снизу, раскинутые аж на двух бельевых веревках.

Оля хотела дружить с Варей, а та, кажется, не очень. Варя чаще ходила гулять только с Надей, и они случайно забывали позвать Олю. Если же они гуляли втроем, то все могли, непонятно почему, так посмотреть на Олю, что та заливалась краской, хотя она, кажется, не делала ничего стыдного или забавного. И смеялись Варя с Надей выразительно, будто между собой. Даже если Оля шла рядом с ними и тоже смеялась, но – они были вдвоем, а Оля с ними.

Не иначе как на прошлой неделе Варя и Надя тайком съели напополам подаренный Вале

«сникерс», хотя каждую шоколадку они договорились делить на три части. А недавно отец привез Наде бананы и киви. Никто из девочек никогда не ел киви, всем хотелось попробовать странный волосатый фрукт, но Олю снова обошли стороной.

У Вари с Надей даже фенечки были одинаковые. Фенечки плела Варя, из бисера. Получалось очень красиво, Варя не зря ходила в кружок «Маленькая принцесса», где девочек учили всему подряд, от дефиле до макраме.

Оля мечтала о большом наборе косметики – двухэтажном глянцевом футляре с мелкими квадратами теней Ruby Rose. Такой был в соседнем магазине, стоил очень дорого, и девочки ходили на него просто посмотреть, стесняясь под высокомерным взглядом продавщицы. В наборе было тридцать разных цветов блестящих теней: пересчитывали не раз. Оля надеялась, что этот набор подарят ей на день рождения. Тогда она накрасит глаза, как нарисовано в журнале, и под руку с Варей пойдет гулять по набережной, и с Олей будут знакомиться, а с Варей – никто. Потому что Варя не очень-то красивая на самом деле, просто она приподнимает челку, брызгая на расческу сахарным раствором, и еще умеет стрелять глазами и так встряхивать волосами, как девушки из рекламы шампуня. Оля тоже пыталась – получалось глупо: только волосы по лицу неприятно хлещут.

Кстати, в центре был магазин «Европа Де Люкс», куда и вовсе заходить было страшно. Там очень приятно пахло духами и продавалась такая косметика, на которую даже дышать нельзя было. Косметику от посторонних глаз оберегали поджарые стройные дамы, при одном только взгляде на которых до тебя доходило, что ты не просто никто, а и вовсе ничто. В магазин заходили только большой компанией, вдыхали флер духов, смешанный с особым воздухом магазина не для всех, и спешили на улицу, пока не прогнали продавцы. Выгнать они, между прочим, могли не только девчонок: однажды на порог не пустили Надину маму, одетую в дачную куртку.

Сегодня настал Варин звездный час: беременная Галина была ее старшей сестрой.

– Мама сказала: дура, пропустила срок, – увлеченно рассказывала Варя, изображая в лицах всех героев этой сцены.

– Как она узнала?

– Галя сама рассказала. Я тогда с вами гуляла, зашла воды попить, а тут крик такой, я еще в подъезде, с первого этажа услышала. «Потаскуха, собирай манатки!» Я даже испугалась. Мама редко когда так кричит, не своим голосом – только если ее кто-нибудь совсем доведет.

– А в обморок Галя падала? – с любопытством спросила Оля.

По вечерам все семьи смотрели увлекательный сериал про любовь, героини которого одна за другой теряли сознание, что говорило или о беременности, или о тонкой душевной организации. Оля весной тайком училась падать в обморок, тренируясь над кроватью: ей ужасно хотелось лишиться чувств перед одним мальчиком из восьмого класса, имени его она пока не знала, но представляла себе: она такая – ах! и на пол. Он возьмет ее на руки, прижмет к себе и поймет, что без Оли ему не жить.

– Не знаю. Кажется, еще не падала. Но ее одно время тошнило каждое утро, вот!

– А парень ее что, на ней не женится? Он знает? – спросила Надя.

– Что ты такое говоришь? Конечно, женится, скоро свадьба будет! Родители его вчера приходили к нам знакомиться. Такие стремные конфеты принесли – вишня в коньяке!

– Фуу! – хором протянули девочки.

– Хотите попробовать?

– Да!

Варя притащила коробку с конфетами и продолжила:

– Его зовут Сережа. Они с Галей в одной группе учатся. Осенью вместе ездили на картошку, там все и началось. Он ее до дома каждый день провожал, помните, я вам рассказывала, что Галька с мальчиком дружит. Я один раз сама видела, как они в подъезде целовались.

Представляете, я мимо них прошла, а они меня даже не заметили. Потому что с закрытыми глазами целовались.

– Я читала, что когда с закрытыми глазами целуются, значит, любят, – заметила Оля.

Надя спросила:

– Тогда чего твоя мама такая злая? Любовь же, здорово, радоваться надо!

– Ну а хорошего-то что? – по-взрослому сказала Варя. – Рано еще. И Сережа простой такой. Ну, обыкновенный, понимаете? Разве нормальный парень будет учиться на филфаке, кем он потом работать пойдет – учителем в школе? Нет бы Гале посмотреть в сторону юристов или экономистов. Мама об одном ей говорит: ты, с твоей внешностью, с твоими мозгами, могла выйти за олигарха, а теперь всю жизнь проведешь в нищете. «Потаскуха!» – вот как она кричала.

Было видно, как нравится Вале повторять это сочное, перезревшее слово.

– И вещи ее все из шкафа выкинула, и еще Галю в спину толкала, чтобы собирала шмотье и валила к своему хахалю, а та все за дверь цеплялась. Потом сидели и ревели все, как дуры, честное слово.

– А платье-то будет белое? – с надеждой спросила Оля, нагнувшись к Вале.

– Будет платье. И банкет тоже будет, говорят, если денег хватит.

– В «Мечте»?

– Конечно.

***

Кафе «Мечта», недавно открытое в пристройке к соседнему дому, за плотными шторами цвета борща скрывало загадочную жизнь. Тут отмечали свадьбы и проводили поминки, а в пятницу и субботу – ночные дискотеки. По вечерам у входа толкались, хохотали, курили и порою дрались длинноногие девушки с начесанными волосами или мужики, похожие на криво сколоченные табуретки, густо пахло смесью разных духов и табаком, часто вызывали милицию. Надя однажды нашла у входа настоящий золотой перстень. Оля на крыльце «Мечты» видела человека, у которого все руки до шеи были покрыты татуировками: он на нее посмотрел, и она чуть было под землю от стыда не провалилась.

Когда кафе снимали для свадьбы, то на следующее утро и крыльцо, и дорога у входа были усеяны конфетти, лепестками роз, а если внимательно смотреть под ноги, можно было насобирать монеток себе на мороженое или жвачку. Некоторые свадьбы гуляли громче дискотек. Девочки тогда вились неподалеку от кафе, чтобы увидеть невесту, обсудить ее платье и просто послушать музыку, рвущуюся наружу изо всех щелей. В то время почему-то часто ставили песню «Чужая свадьба», под которую хотелось с упоением плакать и думать о своей несбывшейся любви.

Варя, однако, сказала, что Галина странная – хочет просто расписаться и даже платье ей не нужно, хотя вчера всей семьей ездили на рынок и по свадебным салонам. Варя с упоением рассказывала, какие они видели платья – и в розочках, и со шлейфом, и с рукавами-фонариками, и с юбкой такой, как хвост у русалки, а одно платье даже ярко-красное, но Галя уперлась: нет и все. Никто из девчонок не понимал, как такое вообще возможно – не хотеть праздновать собственную свадьбу. Ладно не желать всей мишуры с катанием на машинах через семь мостов, возложением цветов к обелиску на Аллее героев, плясками в ресторане, караваем, похищением невесты и бросанием букета, но отказываться от того момента, когда в свадебном платье подходишь к зеркалу, смотришь на себя – принцессу... это просто не укладывалось в голове.

О свадьбе мечтали все. Свадьба казалась девочкам триумфом женской красоты, апофеозом любви, самым счастливым днем в жизни каждой.

– Если платье купят, я его обязательно примерю потихоньку, – сказала Варя.

Повернулся ключ в двери: пришла Галина. Оля и Варя встали и поздоровались, чтобы лишний раз на нее поглазеть. Галина, одетая в сарафан на тонких бретельках, была красная и мокрая от жары. Обычно худенькая, она почти не поправилась, но все равно казалось, что живот ее мягкий, словно тесто. Плечи ее с виду тоже были рыхлыми, сдобными, и даже ладони стали какими-то другими. Волосы, саморучно крашенные в пшеничный, отросли и темнели у корней родным каштановым оттенком.

Девочки старались не смотреть на ее живот, но Галина инстинктивно прикрыла его обеими руками, словно кто-то мог ее ударить. Там, внутри Галины, ютилось существо в палец длинной, еще не похожее на ребенка, но все-таки – невероятно – ребенок.

«Женщина», – подумала Оля.

Галька-гадючка, с которой Варя еще совсем недавно толкалась, дралась и ссорилась из-за косметики, оказалась женщиной.

– Что такое? – спросила Галина.

Оля посмотрела на бульдога.

– Галя, а почему Марта дышит так странно? Как будто храпит. Она заболела?

– Потому что порода у нее такая. Видишь же, какое у нее лицо сплющенное. Если бы у тебя было такое лицо, ты бы тоже храпела в жару, – хмуро ответила Галина и ушла в свою комнату.

Оле недавно исполнилось одиннадцать. Книжки и фильмы не про любовь были для нее напрасной тратой времени. Она таскала мелодрамы из видеопроката, а в библиотеке искала только такие книги, на обложке которых изображены мальчик и девочка. Она по очереди была влюблена во всех отличников из своего класса, потом в Антона – Надиного двоюродного брата, а теперь ей нравился один восьмиклассник, который недавно выиграл конкурс поэтов. Весной она на каждой перемене искала его в школьных коридорах, чтобы издали на него посмотреть. Она мечтала гулять с ним, держась за руки, грезилась, как он будет подавать ей пальто, повязывать шарф, водить в кино, дарить цветы, угощать мороженым, переносить через лужи, а главное, Оля будет знать, что он ее любит. Даже о поцелуе ей пока не думалось, а все, что случилось с Галиной, казалось Оле огромной – в пору руки на себя наложить – бедой.

Дома у Оли где-то валялась книжка, прочитанная еще в первом классе, в которой будущим женщинам рассказывалось о том, как мыть полы, пришивать пуговицы, жарить картошку и ухаживать за собой, а заодно и о том, откуда берутся дети. Оля прочла, не отрываясь, главу о семейной жизни и заклеила ее, чтобы лишний раз не наткнуться взглядом на изображения мужских и женских тел, так непохожих на окружающих ее людей. Она пыталась уяснить: и я так родилась, и мама, и бабушка, и Варя, и Надя, и дворник, и учительница, и продавец в магазине, и водитель автобуса. Оле было не то чтобы противно, но так, словно пальцы, пролиставшие те страницы, теперь навязчиво, несмываемо пахли сырой рыбой.

Галина делалась другой, новым телом она входила в новую жизнь, далекую от девчоночьего незамысловатого существования. Если верить маме, то в другой жизни с женщинами не происходит ничего хорошего: они постоянно кому-то чего-то должны, они крутятся, как белки в колесе: вкалывают на работе и вкалывают дома, готовят, стирают, убирают – все эти занятия были Оле глубоко ненавистны. Любовь не оправдывала такого превращения: для Оли любовь означала череду испытаний, которые заканчивались свадьбой, медовым месяцем, а дальше начиналась неизвестность, не позволяющая распознать, в какой момент взрослая жизнь оборачивается сплошной тоской, когда именно легкое, звонкое, вечно бегущее девчачье тело превращается в квашню.

– Мама сказала, что порча на Галине, – шепнула Варя, когда Галя закрылась в детской. – Наслал на нее кто-то, позавидовал. Говорит, к бабке ей надо, а то неизвестно кого родит. Галя кричит, скандалит, мол, отстаньте все от меня. Представляете, стакан в стенку швырнула. Каждый вечер они ругаются. То из-за свадьбы, то вот из-за порчи.... Как будто помешались все. Скорей бы уже ушла она к своему Сереже. Они ведь у него решили жить, с его родителями. Жду не дождусь, когда она свалит.

– Люди, как вы думаете, рожать так же больно, как все говорят? – спросила Надя.

– Очень больно, – убежденно сказала Варя. – Я в кино видела, там все кричат, некоторые умирают даже. Я никогда не буду рожать.

– Как так?

– А вот так. Я вообще думаю, что я феминистка. Девочки переглянулись.

– А ты живот ее трогала? – тихо спросила Оля.

Варя ответила:

– Нет.

Помолчала, крепко зажмурилась и замотала головой:

– Нет, я и сама не хочу, и Галя точно не разрешит.

– Интересно же, какой он на ощупь, ее живот. Твердый, наверное, как мяч. Или вовсе как подушка?

– Хватит уже говорить ерунду! – засмеялась Варя. – Ну ты даешь! Сама ты как подушка!

Оля украдкой ковыряла корочку на локте, разбитом неделю назад: прыгала с качелей, упала в гравий. Локоть приятно саднило. Галина врубила во всю мощь Modern Talking. По деревянному полу балкона растекалось солнце. Оле сквозь музыку показалось, что Галина там, в своей комнате, плачет.

***

Через две недели подросла свадьба. Все было готово по правилам, как у людей. Варя каждый день рассказывала о свадебных хлопотах. Похоже, проще космический корабль запустить, чем достойно справить свадьбу – так, чтобы никто ничего плохого не подумал. Для того чтобы оплатить свадьбу, Варина мама набрала долгов, и на всякий случай сообщила всем приглашенным о том, что самый лучший подарок – это доллары в конвертах.

Ранним утром Надя с Олей прибежали к подъезду посмотреть на жениха и невесту. Обе они поставили с вечера будильник, боясь проспать.

Утро настало прохладное, колкое, как лимонад из холодильника. Всю ночь лил дождь, на асфальте блестели лужи, с листьев рябин от малейшего дуновения ветерка срывались искристые капли. Ноги в шортах и сандалиях быстро озябли, плечи покрылись гусиной кожей, но никто не ушел переодеваться.

Скамейка у подъезда оказалась мокрой. Девочки стояли под козырьком подъезда и, возбужденные важностью события, молчали. Тихо было во дворе. Негромко курлыкали голуби, почти как кошки мурчат. Пахло помытым асфальтом и газоном – свежей зеленью, мокрой землей, цветочной сладостью. На небе ни облачка. Начинался долгий жаркий день.

Оля посмотрела на окна Вариной квартиры. На балконе стояла Галина, по-домашнему одетая в простые серые трикошки и пижамную футболку. Словно сегодня был не долгожданный день ее свадьбы, а что ни на есть обычное пятое августа.

Ждали еще долго, не меньше часа. Вскоре торчать у подъезда надоело. Мама скинула Оле из окна мяч, чтобы прыгать в козла. Согрелись быстро, ноги забрызгали грязью, мяч упруго прыгал то об трансформаторную будку, то по асфальту, Наде попал в лицо, все поочередно побывали козлом. Бегали пить к фонтанчику в глубине двора, губами ловили холодную, ржавчиной отдающую запретную струю. Тем временем у подъезда собирались гости, галдели, смеялись, надували шарики. Когда во двор заехал белый опель, разукрашенный лентами, Оля с Надей, как были – с мокрыми челками, чумазые, с мячом, подбежали к подъезду. Чтобы все увидеть, они встали на скамейку.

И вот, наконец, все вышли.

Впереди – мама невесты в розовом брючном костюме с отливом, за ней – Варя в бирюзо-

вом шифоновым сарафане и, девочки переглянулись, в Галиных босоножках на каблуках. Следом шли еще какие-то шумные и разодетые люди с воздушными шариками, как на детском дне рождения, и только потом – Галина и Сергей. Оля с Надей от восторга прямо на скамейке запрыгали, завизжали и захлопали в ладоши.

Галина, глядя под ноги, шла в белом многослойном платье-безе, шуршащем при ходьбе, купленном за баснословные деньги. Платье ей было тесно в талии, а туфли, знала Оля, наоборот, велики, другие найти не удалось, но это все неважно: Оля никогда не видела Галину такой красивой. Ее можно было фотографировать для обложки журнала.

Сергей – тощий, невысокий, свежеподстриженный, вел невесту к машине и с каждым шагом все сильнее краснел ушами.

«Наверное, девочка у нее будет, – сказал кто-то в толпе. – Девочки, те всегда красоту материнскую пьют. Глянь, как она подурнела!»

Секунду спустя Галина уже бежала через двор, некрасиво семеня в слетающих с ног туфлях. Бежала и не оглядывалась.

Эта картина осталась в Олиной памяти надолго: нежное, вуальное, звенящее утро, нарядная толпа у подъезда, шарики, цветы, отчаянная голубизна неба, злая бабка из первого подъезда с мусорным ведром и пуделем на коротком поводке, Сергей с бордовыми ушами и спина Галины, бегущей куда глаза глядят. И вдруг Оле показалось, что Галя вовсе и не бежит, а летит низко над землей, как испуганная взъерошенная белая птица, и что вот-вот она вырвется отсюда и исчезнет, умчится туда, где не будет вокруг нее взглядов любопытных, осуждающих, сочувствующих, где вообще не будет никого, кто ее, Галину, знает.

Оле запомнилось, будто Галина бежала очень долго, хотя следующим в ее воспоминаниях застыл такой кадр: Галя и Сергей в двадцати шагах от машины схватились, как борцы на ринге, впечатались друг в дружку накрепко; Сергей держит ее обеими руками, Галя, дрожа, прячет лицо у него на плече и лупит кулаком, куда может дотянуться, и брыкается; она босая, туфли валяются в луже. Тишина стояла – словно отключили звук, хотя, конечно, это шутки памяти: наверняка сами они кричали друг на друга, и уж точно что-то им кричали гости. Но в памяти осталась тишина, в которой пришло осознание: все правильно. Все ровно так, как и должно быть.

Оля присмотрелась и поняла, что Сергей, оказывается, выше Галины на целую голову.

